

Альберт Кайков

В Югории у хантов

Мне давно хотелось не просто побывать в угодьях хантов, а пожить среди них, чтобы познакомиться с бытом и обычаями. И вот такой случай представился.

Автомашина мчалась по хорошей бетонной дороге, проложенной по лесотундре. По обе стороны дороги простирались озёра и болота с участками низкорослых деревьев. Над водоёмами летали чайки. Некоторые сидели на гнёздах, устроенных на кочках недалеко от дороги. Постоянно попадались указатели поворота на второстепенные дороги к кустам скважин. Вдали стояли буровые вышки, горели факелы попутного газа. Иногда попадались нефтехранилища с огромными металлическими ёмкостями. Навстречу не попало ни одной легковой автомашины. Редко встречались тяжёлые грузовые специализированные машины с надписью на борту «Нефтегазпром».

За рулём машины сидел Анатолий Самсонов. Он торопился в город хантов Лянтор, расположенный в девяноста километрах от Сургута на берегу реки Пим, на территории одного из крупнейших в России нефтяного месторождения. Своё название получил от одноимённого названия озера, расположенного невдалеке. По берегам реки Пим были родовые уголья коренных жителей. В 1930 году, когда в России началась коллективизация и массовый перевод коренных жителей Севера с кочевого уклада жизни на осёдлый, был создан кол-

хоз имени М. И. Калинина, в который были объединены все родовые угодья коренных жителей бассейна реки Пим. Так в 1931 году на левом берегу реки Пим появился национальный рыбацкий посёлок с одноимённым названием. Только через год о нём упоминается в документах. В 1978 году на месте посёлка Пим стал возводиться посёлок нефтяников. В 1992 году посёлок получил статус города, в котором проживает примерно сорок тысяч человек. Русское население составляет около половины жителей. В городе шесть школ, десять детских садов. Градообразующим предприятием является «Лянторнефть».

Валерий Кантеров встретил нас около дома родителей. Рядом стояла Нива. Он оказался сорока семилетним мужчиной среднего роста, крепкого телосложения. При рукопожатии чувствовалась сила человека занятого физическим трудом. На нём была камуфляжная одежда. В дальнейшем я заметил, что это любимая одежда аборигенов.

Я пересел в его машину, и мы ехали по бетонной дороге. Нас окружал описанный уже пейзаж с многочисленными скважинами и буровыми вышками. Мне не хотелось терять зря время. Стал задавать вопросы:

- Далеко нам ехать?
- Шестьдесят километров.
- Большой участок ваших угодий?
- Сорок на тридцать километров.
- Не великоват участок для одного человека?
- Это угодья рода «Люся». Здесь жили, охотились и рыбачили мои предки. Первым поселился прадед Акапий Павлович. К сожалению, остались в угодьях стойбища мои и двух двоюродных братьев. Молодёжь предпочитает работать на нефтепромыслах, чем заниматься традиционными видами промыслов.

Неожиданно для меня дорогу перегордил шлагбаум. Из будки вышел охранник, заглянул в машину, проверил багажник и поднял шлагбаум.

– Почему он не проверил документы? – поинтересовался я.

– У него есть список номеров машин, которые имеют право проезда.

Вскоре бетонка закончилась, и мы поехали по песчаной дороге, тянувшейся по сосновому лесу. Нива легко преодолевала глубокие колеи в песке, продавленные грузовыми машинами. Пейзаж резко изменился. Среди сосен просматривались полянки, покрытые мхом и ягелем, зарослями брусничника и черничника.

– Грибные места? – спросил я.

– Белых грибов много, только собирать некому.

Подъезжая к стойбищу, я заметил большую мягкую игрушку медведя, подвешенную за шею на ветке сосны.

– Что это такое? – удивился я.

– Это мы повесили Джо Байдена.

– Почему?

– Он плохой человек. Вводит санкции против нашей страны. Дорога вывела нас на кромку лесного массива. Впереди лежала болотистая местность с редкими участками леса, справа виднелось большое озеро. Проехав по гати, оказались на участке, огороженном по периметру жердями. Внутри размещалось несколько деревянных строений на значительном расстоянии друг от друга. Валерий остановил машину около первого небольшого домика. «Это дом моего отца. Место для стойбища выбрал когда-то шаман моему прадеду Акапию Павловичу. В угодьях жили и промышляли его дети, внуки. Теперь вот живу я, его правнук, а два моих двоюродных брата проживают в другом конце угодий. С тех пор мой род «Люся» считает угодья родовыми – сообщил он и вышел из машины.

Это был не дом, а скорее избушка. Стены из брёвен высотой с его рост. Дощатая крыша в двух местах провалилась, некоторые доски сползли на землю. Входная дверь намного ниже его роста. Когда он вернулся, на него нахлынули воспоминания: «В старые времена глухари прилетали к домику. Мне рассказывали, что бабушка увидела глухаря, взяла ружьё и стала к нему подкрадываться. Внуки уцепились ей за подол и шли с ней. Птицу она добыла. Сегодня в угодьях глухаря не встретишь».

– Почему дом в таком состоянии?

– Когда отец умер, мы обязаны были покинуть его жилище и построить себе новое.

– Почему?

Такой обычай. В доме остался дух отца. Мы не должны ему мешать, заходить внутрь и что-то трогать. По обычаю так же, если три года в своём доме, построенном в угодьях, не был надо строить новый.

Мы поехали дальше. Остановились на сухой торфяной площадке. На ней стояли две автомашины: «Нива» и «Жигули». Вокруг ни души. В пределах видимости стояло пять-шесть деревянных объектов. Валерий показал на один из них и сказал: «Это мой летний дом. Когда-то здесь было открытое место без деревьев, продуваемое со всех сторон. Люди и олени спасались от гнуса».

– У тебя есть ещё и зимний дом? – спросил я.

– Каждый хант имеет два дома. Летний, где хорошо пасти оленей и зимний, где хорошо охотиться.

– Я слышал, что летом твой народ живёт в чумах около пастбищ и кочует вместе с оленями.

– Это было давно. Мы научились у русских строить избы, и они вошли в наш быт.

Дом стоял входными дверями на юг. Низкая дверь сверху была уже, чем снизу.

– Почему дверь не прямоугольная?

Валерий улыбнулся и пошутил: «Двери низкие, чтобы каждый входящий в дом кланялся хозяевам». Я знал, что небольшие двери делают для сохранения тепла. На его шутку не отреагировал, а повторил вопрос.

– Когда дети выбегают из дома, они не закрывают дверь. Она сама захлопнется за ними.

Вероятно, дверь ещё и навешена не вертикально, – подумалось мне.

Валерий провёл меня по всем постройкам. На участке размещались лабаз, ледник, баня, туалет, складское помещение. Они размещались не менее пятидесяти метров друг от друга. К некоторым приходилось подходить по гатям из горбыля, проложенного по торфяному покрову. В последнем помещении увидел зимнюю одежду, повешенную на гвозди. Меня заинтересовала шуба на утином меху. «Наши женщины умеют выделывать шкурки уток, сшивают их и они служат подкладкой для зимней одежды. Покрывают сукном. Одежда получается тёплой и лёгкой, носится тридцать–сорок лет – пояснил он. Всю одежду шьют и украшают так же они». Я обратил внимание на несколько поленищ дров. В одной было около десяти кубов дров. «Пилить и колоть дрова входит в обязанности женщин, – пояснил Валерий. – Софья владеет бензопилой не хуже меня. Лесничество выдаёт нам бесплатно порубочный билет на тридцать кубов дров в год».

Перед входом в дом, Валерий снял сапоги. Я последовал его примеру. Прихватив с собой подарки: пряники и конфеты, последовал за ним. При проходе через дверь пригнулся, но всё-таки ударился головой о верхний косяк дверной коробки. Предо мной предстала картина: на полу сидели две женщины. На них были яркие ситцевые платья, на головах такого же

цвета косынки, прикрывающие часть лица. Позже я узнал, что женщины при посторонних и даже при свёкре обязаны прикрывать лицо платками. Старшая женщина была в носках, младшая босиком. В качалке лежал шестимесячный ребёнок. Посредине комнаты стоял низенький столик, накрытый едой. Никакой мебели. Только в одном углу стояла металлическая печь. Вдоль северной стены на ковре лежали скрученные постели. Пол покрывал линолеум. В бревенчатых стенах с восточной и западной сторон прорублены небольшие окна. На моё приветствие женщины промолчали. Валерий их представил: «Моя жена Софья, дочь Марина», и пригласил к столу. Я уселся на пол, на свободное место около столика.

На столе лежал мягкий белый хлеб, выпеченный Софьей в глинобитной печи, печенье, конфеты, сахар, чай в пакетиках, варенье из брусники, клюквы и миска с каким-то жиром. Около стола стояла большая кастрюля с отварными кусками диких уток и чайник с кипятком. Вилки и ложки, кроме чайных, не было. Валерий достал из кастрюли кусок утки и протянул мне. Софья поставила передо мной тарелочку для костей. Я сидел и ждал, когда хозяева начнут трапезу, чтобы последовать их примеру. Они дружно взяли в одну руку по куску утки, в другую кусок хлеба и начали поочередно откусывать. Хлеб периодически макали в жир. Пришлось последовать их примеру. Жир оказался утиным, собранным при варке уток. Во время чаепития удивлялся, что заваривают пакетики чая, как городские жители, тогда как вокруг много растений более полезных для заварки. Взять хотя бы кустики брусничника.

Поднимаясь с пола из-за стола, сказал спасибо. Все промолчали. Я подумал, что меня не услышали.

Позже узнал, что у хантов не принято благодарить и желать доброго утра, если живут вместе.